

обертки. Символична сцена, в которой парень на грузовике въезжает в родник и загрязняет его, вызывая негодование старика, умудренного многотрудной жизнью на этой земле. Старики здесь — горькая, но стойкая, крепкая корнями полынь, а беспечные парни, не любящие труда и не уважающие традиций, — эфемерные цветочки, обязанные своим цветением полевой горечи степи, трудной жизни старших.

Обращение молодых писателей к жизни старших поколений продиктовано интересом к истокам советского строя, которые для молодежи 60—70-х годов являются уже историей.

Примечательно в этой связи творчество киргизского русскоязычного писателя Мара Байджиева, известного своей пьесой «Дуэль», которая ставилась во многих театрах страны. Киноповесть М. Байджиева «Чужое счастье» объективно рассматривает судьбу человека, посвятившего свою жизнь «чужому» счастью — не собственному гнезду, а благополучию других людей.

Мар Байджиев рисует жизнь председателя колхоза, некогда бывшего одним из первых борцов за коллективизацию на киргизской земле, создавшего крепкое артельное хозяйство. Никогда не останавливавшийся перед тем, чтобы пожертвовать своими интересами в пользу общественных и неуклонно требовавший того же от других, он стал причиной не только благополучия, но — в силу жизненных обстоятельств — и страданий иных людей, во имя которых он отказался от своего личного счастья.

Вынужденный уйти от руководства колхозом, которое в современных условиях требовало больших знаний, сидя сторожем на колхозном току, старик сам судит себя и свою жизнь. Во сне он видит себя и судьей, и ответчиком и на вопрос высшего судьи, своей совести, отвечает себе, что был хорошим человеком и никому ничего не задолжал. А загорающаяся над его головой электрическая лампочка как бы подтверждает это — ведь электростанция была построена еще «при нем» и по его почину.

Рассматривая с философско-исторических позиций истоки своего советского бытия, жизнь и дела своих дедов и отцов, молодые писатели Киргизии и Казахстана выносят свой положительный приговор: были и драмы, и страдания, и невольные ошибки и заблуждения, но главное и великое дело сделано — создан новый строй и новый человек.

Значительно сложнее и острее складывалась обстановка в литературной науке. Здесь отчетливо проявлялась тенденция к идеализации культурных истоков прошлого.

Эта тенденция непосредственно связана и с проблемой восточного Ренессанса, о которой до сей поры ведутся дискуссии уже и за пределами Средней Азии и Казахстана.

В коренном вопросе о том, как жить и развиваться новой молодой литературе социалистического реализма, в обстановке острой дискуссии об «истоках», когда нет-нет да и возникает проблема «дележа» классического наследия и нужно уметь четко и точно отграничить интересы законного самоутверждения социалистической нации от накали национальной чванства или национального герметизма, необходимо постоянно сохранять чувство неразрывного единства национального и интернационального, воплощенного в новой исторической общности людей — советском народе.

С нашей точки зрения, закономерно, что перу именно Санбаева принадлежит повесть «Когда жаждут мифа», отражающая в образе главного героя, древнего архитектора и художника Шакпака искания и противоречия художественной интеллигенции. Как и «Белый пароход» Айтматова, это произведение очень сложное, сочетающее в своей архитектонике казахскую традицию сказа-побывальщины с современной формой философской притчи.

В повести разворачиваются два параллельных сюжета. Первый рисует жизнь табунщиков; в уединенной юрте на пастбище старик, чующий приближение конца, учит двух молодых джигитов своему высокому и гуман-